

Алманахъ
1917.

ГОРОДЪ СТУДЕНТОВЪ.

Ревель.

Печатано въ типографіи «Колывани».

1891.

VaV 3290

Городъ студентовъ.

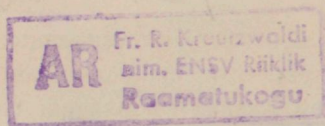
ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

Ревель.

Печатано въ типографіи «Кольвани».

1891.

Отдельные оттиски статьи, помещенной въ №№ 170, 171, 172
газеты «Колывань» за 1891 годъ.

66.795

Едва забыта брошюра «о студенческой жизни въ Дерптѣ», какъ появилась уже новая въ защиту того же Дерптскаго Университета. Первая изъ нихъ, какъ извѣстно, не только не была встрѣчена радушно русскою печатью, но даже вызвала цѣлый рядъ возраженій; вторая, уже разъ напечатанная въ 1889 году во «Всемирной Иллюстраціи» и не обративъ въ то время на себя никакого вниманія, носитъ въ настоящее время заглавіе «городъ студентовъ — бытовья картинки стараго Дерпта» и написана г. М. Лаврецкимъ*). Между обѣими названными брошюрами, писанными съ одной и той же цѣлью, одинаково тенденціозно, про одинъ и тотъ же Дерптъ, есть существенная разница: первая «о студенческой жизни» составлена, повидимому, ярымъ поклонникомъ Дерпта, ничего не разсуждающимъ, а ргіогі убѣжденнымъ, что все, что въ Дерптѣ хорошо; вслѣдствіе этого она бездоказательна и даже прямо не умна. Авторъ брошюры «городъ студентовъ», какъ кажется, и инаго темперамента и инаго склада ума и иныхъ традицій: онъ скромень, онъ не желаетъ, какъ кажется, убѣдить никого, никого не вызываетъ и никому не грозитъ: «худа или хороша эта жизньъ», гово-

*) Печаталась въ типографіи газеты «Колывань».

ритъ онъ въ концѣ своей брошюры «и долго-ли она еще продлится въ такомъ видѣ — это вопросъ будущаго и личнаго взгляда»; авторъ скромень, повторяемъ мы, онъ даже просто наивень, высказывая, что въ жизни студентовъ Дерпта есть поэзія. Авторъ названой брошюры вызываетъ пожалуй даже симпатію — онъ поэтъ, вслѣдствіе чего его растянутыя описанія природы, зелени, ночей (майскихъ и другихъ), Эмбаха, наступленія весны занимаютъ слишкомъ много мѣста и идутъ въ ущербъ изложенію дѣла; правда, повсюду звучитъ тенденціозная нотка, но звукъ ея часто умаляется постоянными противорѣчіями.

Г. М. Лаврецкій не захотѣлъ связать все свое знаніе о Дерптской студенческой жизни, всѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ «города студентовъ» въ однородный логичный рассказъ и предпочелъ набросать рядъ картинъ, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныхъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ его главъ и постараемся отмѣтить тѣ характерныя черты, которыя бросаются рѣзко въ глаза, дабы освѣтить надлежащимъ свѣтомъ то, что авторъ стремится закутать въ туманную пелену поэзіи. Прочитавъ брошюру г. Лаврецкаго, остается какъ то невольно въ памяти одно — за что именно всѣ осуждаютъ Дерптскихъ студентовъ — что они пьютъ, пьютъ и пьютъ безъ конца и ничего не дѣлаютъ: первая глава «конвентъ», это сходка депутатовъ отъ студенчества и профессоровъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ; въ конвентѣ у всѣхъ весьма важный видъ, много говорятъ, обсуждаютъ, но конвентъ не обходится безъ питья; вторая глава описываетъ «коммершъ»; вѣроятно уже всѣ знакомы съ этимъ словомъ — это попойка, которая по словамъ автора (стр. 12), длится почти всю ночь; въ третьей главѣ авторъ

описываетъ «майскую ночь», въ которую собираются студенты всѣхъ корпорацій для кутежа въ паркѣ, на этотъ разъ коммершъ оканчивается скандаломъ и дракой, послѣдствіями чего является «судь» — это четвертая глава; судь происходящій въ конвентъ — квартирѣ (помѣщеніе для собраній), стѣны которой украшены фотографіями вакханально-студенческаго содержанія, оканчивается коммершемъ т. е. опять таки попойкой; слѣдующая глава называется «два комильтона» и рисуетъ двухъ товарищей: нѣмца Неймана и русскаго Иванова, первый все время пьетъ пиво (потомъ уходитъ допивать въ кнейпе) и восхваляетъ студенчество, а второй сидитъ за чаемъ съ своей возлюбленной Амаліею; пятая глава («среди своихъ») рисуетъ русское студенческое общество въ Дерптѣ, которое встрѣчаетъ вновь прибывшаго земляка и по этому поводу пьетъ всю ночь до утра, слѣдующая затѣмъ глава («на пирушкѣ») изображаетъ общество малороссовъ, которые тоже «пируютъ», а затѣмъ отправляются учинить скандалъ одному изъ профессоровъ за то, что онъ провалилъ какого то студента на экзаменѣ. Въ двухъ послѣднихъ главахъ никто не пьетъ, но на это есть свои причины: первая изъ нихъ передаетъ экзаменъ («на экзаменѣ») студентовъ, гдѣ никто ничего не знаетъ, а профессоръ увѣщеваетъ серьезно заниматься въ теченіе года, а во второй («праздникъ гимнастовъ») студенты совѣмъ не участвуютъ, по крайней мѣрѣ авторъ о нихъ не упоминаетъ, на сцену же являются воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній.

Авторъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ, написавъ 65 стр. (in 8°) убористой печати, вѣроятно руководствовался при изложеніи выборомъ наиболѣе типичныхъ сторонъ быта Дерптскаго студенчества; и что же мы видимъ—либо смѣшное, либо безобразное; гдѣ же то,

что дѣйствительно заслуживало бы и одобренія, и похвалы, и подражанія. Мы знаемъ двухъ повѣйшихъ авторовъ (только что упомянутыхъ), защищающихъ Дерптское студенчество; по ихъ мнѣнію то хорошо, что имъ нравится, но вѣдь личный вкусъ не можетъ служить критеріемъ хорошаго. Мы лично до тѣхъ поръ будемъ убѣждены, что въ Дерптѣ ничего хорошаго нѣтъ, что весь строй и гниль, и подлежитъ уничтоженію, пока намъ не докажутъ связною рѣчью, неоспоримыми фактами и логично нѣчто противоположное; однимъ словомъ мы желаемъ отъ сторонниковъ Дерптскаго строя слышать нѣчто опредѣленное, потому что, и съ этимъ согласится всякій, нельзя въ защиту того или другого быта представлять картины пикниковъ и пооекъ, хотя бы даже не лишенныхъ доли поэзіи — за этимъ специально въ Дерптѣ ѣхать не стоитъ. Г. Лаврецкій пытается, правда, изобразить идеаль «бурша» въ лицѣ нѣкоего Неймана, находящагося въ университетѣ уже 34-ый семестръ т. е. 17-ый годъ (въ силу завѣщанія отца*), вѣчно пьющаго и сидящаго въ кнейпе, но именно онъ-то является менѣе чѣмъ что-либо другое симпатичнымъ. Г. Лаврецкій желаетъ придать Нейману особую, какую-то средневѣковую окраску, но и она, уже сама по себѣ и грубая и не похвальная, нисколько не сглаживаетъ искусственнаго героя, а скорѣе дѣлаетъ его смѣшнымъ. Дѣйствительно, представьте себѣ слѣдующее: Нейманъ много выпилъ пива и гово-

*) Нейманъ получаетъ до тѣхъ поръ проценты съ унаслѣдованнаго капитала, пока онъ студентомъ. Хотя авторъ брошюры и говоритъ, что всѣ лица, выведенныя имъ, вымышлены и никогда не существовали, но въ данномъ случаѣ это не справедливо: такой студентъ дѣйствительно существовалъ и умеръ либо въ концѣ 70-хъ или въ началѣ 80-хъ годовъ, ему дана была кличка «Аморъ».

рить — «рѣдки теперь истые бурши и хорошіе фуксы (стр. 30), о, это былъ воинственный народъ, могу вамъ сказать!... да, это были настоящіе бурши, ночью студенчество разгуливало по улицамъ, давая серенады или кошачьи концерты*) подъ окнами красотокъ, ну, конечно, бывали встрѣчи.. соперниковъ, оскорбленныхъ, и тогда бурши обнажали свои шпаги, и нахтвехтеры кричали въ окна почтенныхъ бюргеровъ, чтобы они не тревожились, что это дерется межъ собою благородное студенчество... о, это было славное время... тутъ Нейманъ горестно умолкъ и поникъ (стр. 31)».

Какой монологъ! Не говорить ли это классическій герой, плачущій о гибели своей родины, которой онъ жилъ, дышалъ? Нѣтъ, это ничто иное какъ Дерптскій буршъ, это мизерный актеръ, игравшій вчера съ намаляваннымъ лицомъ героя и желающій оставаться такимъ и сегодня, расхаживая по комнатѣ и помахивая бумажнымъ мечемъ. Нейманъ типичный буршъ, не даромъ г. Лаврецкій удѣляетъ ему такъ много мѣста; но о чемъ мечтаетъ онъ, какіе его идеалы?

«Слыхали ли вы про то, какъ во дремя ссоръ одна корпорація осаждала конвентъ-квартиру другой и брала ее штурмомъ?!, продолжаетъ Нейманъ, о, это было прекрасное время; о, тогда самъ достопочтенный бургомистръ и весь магистратъ города боялся и уважалъ насъ, — потому что студенчество было въ силѣ и могло отомстить; знаете ли вы, что студентъ былъ самое почетное лицо въ городѣ, что нашъ конвентъ сенъеоровъ съ ректоромъ и профессорами во главѣ могъ изгонять изъ города гражданъ, судить, карать и миловать ихъ?!

*) Последнее въ знакъ своей злобы на кого-нибудь, напр. на нелюбимаго профессора.

Бурша никто не смѣлъ трогать, хотя, какъ вы знаете, и теперь насъ смѣетъ касаться лишь университетская полиція, а судить свой судъ, — но это все не то, что было!...» Что ни говори про такіе типы, г. Лаврецкій, какъ ни находи онъ въ нихъ поэзію, но мы все таки скажемъ, что это не «благородное студенчество», а шайка разбойниковъ, какая то орда, ватага. Правда, самъ Нейманъ и слѣдовательно и самъ Лаврецкій относятъ все выше описанное къ болѣе или менѣе отдаленному времени, но оно, къ сожалѣнію, миновало не такъ давно, какъ это можетъ показаться. Мы лично еще помнимъ, какъ Дерптское студенчество вело себя въ 70-хъ и даже въ 80-хъ годахъ и это поведеніе было до невозможности безобразно: оно нарушало и тишину и покой обывателей; конечно, съ введеніемъ реформъ въ Прибалтійскомъ краѣ измѣнилось до извѣстной степени и студенчество Дерпта, но къ сожалѣнію лишь по столько, по сколько ему препятствуетъ оффиціальній строй, а не его собственный здравый смыслъ. Въ свое время Дерптскій студентъ, по установившемуся обычаю, вообще не подвергался контролю полиціи, а всецѣло подлежалъ контролю и суду своего университета; естественно, что такая мѣра могла бы быть разумной лишь въ томъ случаѣ, еслибы студенчество было разумнымъ, такъ какъ иначе сноситься по поводу каждаго проступка студента съ университетскимъ начальствомъ было бы крайне неудобно и затруднительно. Роковымъ по ограниченію, въ этомъ смыслѣ правъ студентовъ Дерпта былъ 1824 годъ. Въ этомъ году произошло слѣдующее: въ Ригу прибыли на каникулы двое студентовъ, одинъ изъ нихъ Виленскаго университета, прусскій подданный Д., а другой Дерптскаго университета уроженецъ Ревеля нѣкій К. Гуляя въ общественномъ

паркѣ, они громко насмѣхались надъ прохожими, толкали ихъ, а заявлявшихъ свое неудовольствіе вызывали на дуэль. На нихъ поступила жалоба къ Генераль-Губернатору Прибалтійскихъ губ. маркизу Паулучи, который распорядился посадить обоихъ на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду. Въ Январѣ 1825 года маркизь Паулучи донесъ о случившемся въ Комитетъ Министровъ съ предложеніемъ наказать прусскаго подданнаго Д. 50 палочными ударами и выслать за границу, а студенту К. воспретить до окончанія курса покидать Дерптъ. Это предложеніе (исключая 50 ударовъ) было принято Комитетомъ Министровъ и Высочайше утверждено. Ректоръ Университета, совмѣстно, съ попечителемъ, извѣщенные о такомъ составленіи, обратились въ Комитетъ Министровъ (ссылаясь на Высочайше утвержденныя 23-го августа 1802 года правила Дерптскаго Университета, согласно коимъ студентъ Дерпта будто подлежитъ исключительно университетскому суду) съ вопросомъ, слѣдуетъ ли считать упомянутое дѣйствіе Генераль-Губернатора какъ исключеніе, или же администрація во всѣхъ подобныхъ случаяхъ имѣетъ право подвергать суду студентовъ помимо Университета. Въ отвѣтъ на это восплѣдовало разъясненіе Комитета Министровъ, что университетскій судъ лишь въ тѣхъ случаяхъ примѣнимъ, когда проступокъ совершенъ въ самомъ Дерптѣ или его окрестностяхъ, что впрочемъ и въ этихъ случаяхъ при университетскомъ судѣ долженъ присутствовать правительственный депутатъ. Такое разъясненіе и ограниченіе правъ Университета и студентовъ было дѣйствительно необходимо, потому что разнузданность нравовъ послѣднихъ обуславливала цѣлый рядъ скандаловъ, такъ что Генераль-Губернаторъ Прибалтійскихъ губ. баронъ Паленъ счелъ себя вынужденнымъ въ 1830 году пред-

писать Губернаторамъ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи увеличить надзоръ за прїѣзжими студентами Дерпта, каковой между прочимъ заключался въ слѣдующемъ: каждый прїѣзжающій студентъ изъ Дерпта долженъ былъ являться въ полицейское управленіе и передавать свой университетскій паспортъ, который оставлялся при полиціи вплоть до его отъѣзда. При непристойномъ поведеніи студента въ общественномъ мѣстѣ полиція обязана была его уговаривать, если же студентъ не повиновался, то его арестовывать; объ этомъ полиція была обязана доносить Губернатору, отъ котораго зависѣло наказать студента по своему усмотрѣнію, или предать его суду, о чемъ извѣщался Генераль-Губернаторъ.

Но мы вернемся къ брошюрѣ г. Лаврецкаго и въ частности къ буршу Нейману, выхваляющему передъ студентомъ Ивановымъ свой университетъ и «благородное студенчество»; при разговорѣ присутствуетъ фрейлейнъ Амалія, молодая краснощекая дѣвица, унаслѣдовавшая отъ матери нѣчто въ родѣ ресторана, любящая студентовъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась невѣстою одного изъ нихъ (который, впрочемъ, окончивъ курсъ, ее обманулъ и уѣхалъ). Нейманъ поетъ въ честь Амаліи серенаду, акомпанируя себѣ на цитрѣ, и когда та, тронутая любезностью, благодаритъ, «благородный буршъ» торжественно восклицаетъ: «мы, фрейлейнъ Амалія, — бурши, мы студенты... въ нашихъ статутахъ и уставахъ есть о томъ, чтобы быть любезными и защищать до послѣдней капли своей крови честь женщины... мы никогда не обидимъ ребенка, старика или женщину...» Такъ говоритъ Нейманъ, но можно ли вѣрить въ искренность этихъ словъ? — оказывается, что нѣтъ, такъ какъ тутъ же происходитъ слѣдующее. Нейманъ

бранить русскихъ студентовъ, будто «все разрушающихъ и ничего не создающихъ», будто клеветующихъ на Дерптъ и когда Амалія въ отвѣтъ на эти слова, глядя на Иванова, улыбается, Нейманъ гнѣвится, вскакиваетъ и кричитъ: «чему вы улыбаетесь, чортъ возьми!! я покажу тебѣ, кто-ты!» Мы видимъ слѣдовательно, какъ слово далеко отъ дѣла у этого типичнаго представителя «благороднаго студенчества». Мы не споримъ, что въ статутахъ студентовъ Дерпта быть можетъ и указывается на обязанность быть любезнымъ съ женщиною и ее защищать, но это пустая буква, которая (какъ видно и въ данномъ случаѣ) либо совсѣмъ не исполняется, либо исполняется только съ точки зрѣнія формальной. Что это дѣйствительно такъ, между прочимъ видно изъ слѣдующаго распространеннаго среди студентовъ Дерпта обычая: студентъ сходится съ какой нибудь дѣвушкой и сдѣлавшись ея женихомъ, живетъ, на средства либо ее родителей, либо на ее средства до окончанія курса, а затѣмъ либо женится на ней, либо бросаетъ ее. Такіе студенты носятъ у бюргеровъ названіе «Fressbräutigam» т. е. женихъ — нахлѣбникъ (буквально, женихъ обжора); у насъ, слава Богу, нѣтъ подходящаго слова, такъ какъ у насъ не народилось такого рода сутенерства. Намъ крайне удивляетъ такое явленіе и это тѣмъ болѣе, что «Fressbräutigam'ы» встрѣчаются именно среди студенчества, за которыми уже издавна и до нашихъ дней во всѣхъ странахъ сохранилась слава людей безкорыстныхъ, нравственно чистыхъ, провозвѣстниковъ всего благороднаго. Но Дерптскіе студенты, повидимому, дѣлали изъ этого правила исключеніе.

Мы невольно вспоминаемъ случай, происшедшій въ 1844 году въ высшей степени характерный; мы бы не упомяну-

ли о немъ, еслибы онъ не выдавался и по нахальству студентовъ и по возмутительности ихъ поведенія; дѣло въ слѣдующемъ: въ 1844 году 12 Дерптскихъ студентовъ, возвратившись на рождественскія каникулы въ Ревель, подали Эстляндскому Губернатору фонъ-Гринвальду прошеніе съ ходатайствомъ заступиться за нихъ, такъ какъ они при своемъ пути изъ Дерпта претерпѣли въ Вейсенштейнѣ, не подавая на это ни малѣйшаго повода, со стороны бюргеровъ оскорбленія, поруганія и даже побои. Характерно, что прошеніе подано и подписано не однимъ, не двумя студентами, а двѣнадцатью. Само собою разумѣется, что жалоба на мирныхъ гражданъ, будто среди бѣлаго дня напавшихъ на студентовъ и ихъ оскорблявшихъ и избившихъ, весьма не вѣроятна, тѣмъ болѣе слѣдуетъ удивляться нахальству студентовъ, рѣшившихся оклеветать ни въ чемъ не повинныхъ бюргеровъ. Вслѣдствіе упомянутаго прошенія студентовъ фонъ-Гринвальдъ обратился къ Вейсенштейнскому фогтейскому судѣ за разъясненіемъ; этотъ въ своемъ рапортѣ донесъ губернатору нѣчто совершенно противоположное и глубоко возмутительное, а именно: проѣздомъ изъ Дерпта въ Вейсенштейнѣ остановились 14 Дерптскихъ студентовъ (двое изъ нихъ не подписались на прошеніи); своимъ неприличнымъ поведеніемъ они возмутили весь городъ. Здѣсь идетъ подробное донесеніе ихъ проступковъ (изъ которыхъ нѣкоторые по ихъ неприличію не могутъ быть даже упоминаемы): студенты шатаются по улицамъ, пристають къ прохожимъ, возвращающимся изъ церкви, толкають ихъ, останавливаютъ ихъ, подъ видомъ желанія узнать ихъ имена, дуютъ имъ въ лицо дымъ, останавливаютъ на улицѣ скромныхъ дѣвушекъ, дѣлають имъ возмутительныя предложенія, самовольно врываются въ дома, добираются до

женскаго пола, говорятъ дѣвушкамъ нескромныя слова, затѣваютъ ссору съ торговцами, бьютъ одного изъ нихъ, который желая спастись, запираетъ свою лавочку, они врываются къ нему, увидавъ за окномъ дѣвушку, нападаютъ на беременную жену торговца и мнутъ ее до того, что она, по свидѣтельству врача, лежитъ нѣсколько дней больная. Весь этотъ рапортъ настолько противорѣчилъ даннымъ прошенія студентовъ, настолько обрисовалъ названныхъ 14 студентовъ въ возмутительномъ свѣтѣ, что фонъ-Гринвальдъ не рѣшился довѣрить ему и назначилъ для разслѣдованія гакеприхтера фонъ-Баранова, который, увы! опросивъ всѣхъ свидѣтелей, дословно подтверждаетъ слова фогтейскаго судьи. Вотъ, слѣдовательно обращикъ студенческихъ нравовъ, ихъ преклоненія передъ женщинами. Намъ могли бы возразить, что случай, происшедшій съ 14 студентами, не можетъ быть распространяемъ на все студенчество Дерпта, но всякій, надѣмся, согласится съ тѣмъ, что 14 человекъ не два и не три, кромѣ того описанный нами случай происходилъ въ 1844 году, когда въ Дерптѣ вообще то студентовъ было только 689, т. е. эти 14 человекъ составляютъ слишкомъ 2 % (2,03 %). Мы взяли случай, относящійся къ довольно отдаленному времени именно потому, что сторонники Дерптскаго строя любятъ указывать на старину, въ которой, какъ они говорятъ, было болѣе хорошаго, чѣмъ теперь; но именно эти сторонники могли бы упрекнуть насъ, что случай, совершившійся 47 лѣтъ тому назадъ, не можетъ быть переносимъ на настоящее время. Къ сожалѣнiю Дерптское студенчество въ этомъ направленiи нисколько не измѣнилось съ 40-хъ годовъ: вотъ случай, происшедшій такъ сказать на дняхъ и передаваемый «Рижскимъ Вѣсти.»

(1891 г., 13-го ноября, № 249): «Отличительною чертою германскаго міра», говорятъ намъ, «служить глубокое уваженіе къ женщинѣ». Нѣмецъ никогда не окажется vor einer Dame невѣжливымъ. Такова теорія, а вотъ картинка съ натуры, прекрасно рисующая правы мѣстной учащейся молодежи, нашихъ «буршей». На дняхъ жена одного русскаго врача въ 6-мъ часу вечера возвращалась домой съ телеграфа, гдѣ она подавала телеграмму. Такъ какъ начинало смеркаться, дама спѣшила, и благополучно совершила путь, какъ, на разстояніи около 5 саж. отъ дома два прилично одѣтые пахала, одинъ въ корпорантской фуражкѣ, загородили ей дорогу, и растопырили руки. Съ крикомъ «прочь» перепуганная женщина соскочила съ тротуара, и пустилась бѣгомъ къ дому, но преслѣдователи бросились по пятамъ за ней. Едва запыхавшаяся дама успѣла вбѣжать на лѣстницу, взойти въ квартиру, и заявить на счастье случившемуся дома мужу о происшедшемъ, какъ въ двери послышался неистовый стукъ, и въ прихожую ввалились оба савраса, беззаастѣнчиво заявляя прислугѣ, что «они-де желаютъ переговорить съ вошедшею сюда дамой въ бѣлой ротондѣ». Нельзя знать, какой бы скандалъ разыгрался, если бы мужа не было дома, и дорогихъ, хотя неожиданныхъ гостей пришлось бы встрѣчать самъ третей съ груднымъ ребенкомъ и дѣвочкой-нянькой. Но на бѣду расходившихся саврасовъ для объясненій вышелъ мужъ, который, неудовлетворяясь представленнымъ предлогомъ къ посѣщенію, потребовалъ у скандалистовъ сказать свои имена. Быть можетъ, саврасы и слукавили бы, но это оказалось не совсѣмъ удобнымъ, ибо, отправляясь на ловлю, одинъ изъ участниковъ забылъ снять форменную фуражку съ цвѣтами корпораціи, которая выдала его. Саврасы оказались г.

А. фонъ-Б. изъ Лифляндской корпораціи и г. фонъ-Г., тоже бывшимъ членомъ Livoniae. Сказавъ еще нѣсколько грубостей, гости удалились. Мужъ оскорбленной дамы принесъ жалобу въ «буршенгерихтъ», общестуденческой судъ; что сіе судилище изречетъ, пока неизвѣстно, но на предварительномъ показаніи, вполне подтверждая факты, изложенные въ жалобѣ, одинъ оправдывается крѣпкимъ хмѣлемъ, а другой, хотя и трезвый, не заблагоразсудилъ удержать своего пьянаго коллегу отъ скандала, но послѣдовалъ за нимъ, дабы, въ случаѣ неудачи «если стануть его бить — поддержать и защищать его.» Вотъ это пресловутое уваженіе къ женщинѣ, на практикѣ сводящееся къ ловлѣ на улицѣ, чуть не среди бѣла дня, порядочныхъ дамъ, и на нарушеніе тишины семейнаго очага насильственнымъ врываніемъ налижавшихся пива до умопомраченія дерптскихъ юныхъ саврасовъ».

Къ приведенному случаю не требуется объясненій, на столько онъ говоритъ самъ за себя; во всякомъ случаѣ этотъ и подобные факты, которыхъ, къ сожалѣнію, достаточно, не оправдываютъ излюбленной фразы балтовъ, будто студенты Дерпта всегда являются защитниками слабыхъ, почитателями дамъ, поборниками всего благороднаго; подобные факты не подтверждаютъ и словъ г. Лаврецкаго, вложенныхъ имъ въ уста типичнаго «героя-бурша» Неймана. Насколько выше студентъ Ивановъ, который по словамъ г. Лаврецкаго, желающаго его изобразить вялымъ и несимпатичнымъ «будучи гораздо сильнѣе Неймана и нерѣдко его побѣждавшій въ борьбѣ», въ отвѣтъ на брань Неймана и на нанесенную имъ обиду Амаліи, встаетъ взволнованный и запираетъ дверь за удаляющимся, повидимому, желая избѣгнуть возмездія Нейманомъ. Какой толкъ въ томъ,

если человѣкъ раскроить лицо своему товарищу за *однаго* слабого и тутъ же оскорбить и обидить десяти-рыхъ, — а это вполне примѣнимо къ «типичному буршу» Нейману и къ громадному большинству дерптскихъ студентовъ.

Оставимъ однако Неймана, этого «настоящаго бурша» и обратимся къ другой главѣ брошюры г. Лаврецкаго, гдѣ также рисуется типичная сторона жизни дерптскаго студенчества: къ «майской ночи». Г. Лаврецкій передаетъ празднество, пикникъ или попойку студентовъ въ ночь на 1-е мая; авторъ брошюры старается очень поэтично описать майскую ночь, паркъ, въ которомъ происходитъ кутежъ, развалины древняго монастыря; онъ прилагаетъ все свои старанія опозитизировать всю обстановку, такъ сказать, декорацию, какъ будто она въ состояннн измѣнить суть дѣла и какъ будто для кутежей наиболѣе благоприятныя условія находятся именно въ Дерптѣ, но дѣло, впрочемъ, не въ этомъ. На «майскую ночь», на этотъ торжественный кутежъ собираются все корпораціи; онѣ приходятъ въ разное время и съ разныхъ сторонъ, въ своихъ цвѣтныхъ шапочкахъ и со знаменами, которыя наклоняются передъ знаменами другихъ корпорацій; все полно торжественности и напыщенности, даже важности и суровости. Всего больше мѣста посвящаетъ г. Лаврецкій корпораціи «*Curbatonia*»*), «въ которой собранъ весь цвѣтъ дворянства всего края; корпорація гордится не только своею давностью, богатствомъ и численностью, но и строгостью своего устава». Но вотъ церемонія началась: зажжены

*) Г. Лаврецкій почему то счелъ своимъ долгомъ измѣнить имена всехъ корпорацій, такъ что только по догадкамъ можно узнавать ту или другую, вслѣдствіе чего не получается достаточной цѣльности картины.

костры по числу корпорацій и «сложенные изъ груды пивныхъ коробовъ и ящиковъ изъ-подъ винъ, выпитыхъ за годъ» (стр. 15); кутежъ начинается въ полномъ порядкѣ, по словамъ г. Лаврецкаго, здѣсь въ сборѣ самыя разнообразныя національности: нѣмцы, американцы, русскіе, англичане, шотландцы и японцы*) и всѣ они пьютъ; весело пылаютъ костры, дружно звучать пѣсни, но внезапно происходитъ нѣчто совершенно особенное, совсѣмъ уже не товарищеское и свойственное, повидимому, одному только Дерпту: фуксъ, т. е. вновь поступившій въ корпорацію «Caledonia» (вымышленное имя) неловко прыгаетъ черезъ костеръ и падаетъ; одинъ изъ здѣсь стоящихъ «курбатинцевъ» называетъ его утенкомъ и сыплетъ остроты по адресу ольдермана (старшій въ корпораціи, «воспитывающій» фуксовъ), тотъ подходит; оба обмѣниваются бранными словами; брань слышится со всѣхъ сторонъ; начинается драка между двумя корпораціями, кончающаяся уходомъ побѣжденной. Вскорѣ послѣ этого назначается судъ, впрочемъ, повидимому, не всегда достаточно справедливый, такъ какъ и г. Лаврецкій отмѣчаетъ, что «курбатинцы», сильные своими связями и вліяніемъ на университетскія дѣла почти были увѣрены въ успѣхѣхъ своего дѣла. Читая такое описаніе г. Лаврецкаго, нельзя сказать, чтобы оно говорило въ пользу нравовъ дерптскаго студенчества; нельзя сказать, чтобы въ ихъ пользу говорилъ и существующій обычай всячески издѣваться надъ только что поступившими студентами, такъ называемыми фуксами: эту сторону быта дерптскихъ студентовъ г. Лаврецкій тоже не упускаетъ; въ своей главѣ «коммершъ» онъ

*) Намъ кажется, что національная пестрота немного преувеличена авторомъ.

весьма наглядно рисуетъ то глупое положеніе фуксовъ, которое они занимаютъ среди старшихъ студентовъ, заставляющихъ ихъ насильно пить (стр. 10 и 11). или прыгать для своей потѣхи черезъ стулья (стр. 30); не удивительно послѣ этого, если эти фуксы, достигнувъ болѣе зрѣлаго возраста и получивши право въ свою очередь командовать фуксами, пользуются этимъ правомъ всецѣло.

Мы повторяемъ, что брошюра г. Лаврецкаго насъ никакъ не можетъ убѣдить, что студенческій строй Дерптскаго университета имѣетъ хоть что-нибудь за себя; прочитавши его брошюру весьма внимательно, мы убѣдились только еще больше въ томъ, что характерной чертой дерптскаго студенчества являются: кутежь. коммерши, кнейпы, дуэли, драки и т. д., т. е. то, что намъ уже давно извѣстно и въ чемъ мы положительно отказываемся видѣть и поэзію и какую-нибудь прелесть. Читая описаніе г. Лаврецкаго или ему подобную брошюру «о студенческой жизни въ Дерптѣ», мы себя невольно спрашиваемъ: «что такое *дерптскій* студентъ, чѣмъ онъ отличается отъ студентовъ другихъ нашихъ университетовъ» и такъ же невольно навязывается отвѣтъ: «дерптскій студентъ есть студентъ очень много пьющій, вѣчно сидящій въ кнейпе, мало занимающійся, смотря по обстоятельствамъ, носящій или не носящій цвѣтную шапочку, вѣчно съ кѣмъ-нибудь бранящійся, вызывающій на дуэль и.... и воображающій, что лучше его Дерпта ничего нѣтъ, и что онъ самъ лучше всѣхъ.» За послѣдніе года появилась въ печати о Дерптѣ только одна серьезно писанная книга (*Die 14,000 Immatriculierten Dorpats*), сочиненія бывшихъ дерптскихъ студентовъ гг. Отто и Гассельбладтъ; но что мы узнаемъ изъ этого сочиненія? Первымъ дѣломъ то, что за время

существованія Дерптскаго университета (съ 1802 года) изъ 14,000 студентовъ 1700 человекъ совсѣмъ не кончили курса, что университетъ далъ 2259 плохихъ докторовъ, 1095 лютеранскихъ пасторовъ, 1138 аптекарей, 1107 разнообразныхъ учителей и 1043 помѣщика и массу людей съ самой разнообразной профессіею; въ этомъ естественно, нѣтъ ничего особенно хорошаго и ничего особенно дурнаго, такъ что мы не можемъ понять тѣхъ людей, которые отстаиваютъ дерптскій строй, въ которомъ масса смѣшнаго и даже безнравственнаго; насъ бы много обязали сторонники Дерпта, если бы они по пунктамъ перечислили хорошія стороны жизни дерптскаго студенчества, потому что до сихъ поръ изъ описаній сторонниковъ мы могли усмотрѣть лишь идущее въ ущербъ дерптской молодежи. Г. Лаврецкій пытается доказать преимущества нѣмецкаго (дерптскаго) студенчества передъ русскимъ: онъ выводитъ неоднократно параллельные типы, онъ даетъ понятія о жизни русскихъ студентовъ въ Дерптѣ, но, зависить ли это отъ неумѣлаго пера, или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, но во всякомъ случаѣ его слова и тутъ не убѣдительны.

А. Х.

